

7:37

Мертвый открыл глаза.

Он лежал в постели навзничь. Утренний свет озарял белую комнату. На стене, как раз напротив, висело деревянное распятие.

Он посмотрел на свои руки, которые лежали вдоль тела, поверх белоснежной простыни. Складывалось впечатление, будто эти руки — чужие, ему не принадлежащие. Он поднял правую и поднес к глазам, чтобы лучше рассмотреть. Тогда-то и коснулся бинтов, покрывавших голову. Стало быть, он ранен, но, отметил он про себя, никакой боли не чувствует.

Повернулся к окну. Стекло возвратило нечеткий образ, смутное отражение лица. Страх мгновенно охватил его. Явился и мучительный, болезненный вопрос. Но еще больше мучений, больше боли причиняло сознание того, что он не знает ответа.

Кто я такой?

Пять дней назад

0:03

Адрес был назван загородный. Из-за непогоды и барахлившего навигатора, который никак не мог проложить путь, они потратили более получаса, чтобы добраться до этого уединенного места. Если бы у поворота на въездную дорогу не горел небольшой фонарь, они бы подумали, что в доме никто не живет.

Машина скорой помощи медленно ехала по запущенному саду. Проблесковый маячок вызвал к жизни из кромешной тьмы покрытые мхом статуи нимф и покалеченных Венер, которые приветствовали вновь прибывших кривыми улыбками, движениями изящными и незавершенными. Неподвижный танец, только для них.

Ветхая вилла показалась надежным причалом посреди бурного моря. В окнах не виднелось ни огонька. Дверь, однако, была открыта.

Дом дожидался их.

Они приехали втроем. Моника, молодой интерн, этой ночью дежурила на станции скорой помощи. Тони, санитар, профессионал, имел за плечами немалый опыт работы в чрезвычайных ситуациях. И водитель, который остался в машине, в то время как остальные двое ринулись навстречу буре, направляясь к вилле. Прежде чем переступить порог, громко позвали ее обитателей.

Ответа не последовало. Они вошли.

Затхлый запах, тусклый оранжевый свет ряда лампочек, намечавших контуры длинного коридора с темными стенами. Справа — лестница на верхний этаж.

В самой дальней комнате лежало безжизненное тело.

Медики бросились туда, чтобы оказать помощь, и очутились в жилой комнате с мебелью, укутанной белыми покрывалами. Одно лишь ободранное кресло стояло посередине, прямо напротив телевизора устаревшей модели. На самом деле здесь все отдавало старостью.

Моника присела на корточки перед мужчиной, который лежал на полу и тяжело дышал, потом позвала Тони со всеми его приборами.

— Цианоз, — отметила она.

Тони удостоверился, что дыхательные пути не забиты, затем прижал к губам больного мешок Амбу¹, пока Моника светила ему фонариком в глаза, проверяя реакцию зрачка на свет.

Мужчине было самое большое лет пятьдесят, он лежал без сознания. Полосатая пижама, кожаные тапки, халат. Вид запущенный: борода отросла, редкие волосы взлохмачены. В руке до сих пор зажат мобильник, с которого поступил звонок в скорую помощь с жалобами на сильные боли в груди.

Ближе всего находилась больница Джемелли. Поскольку вызову был присвоен красный код, дежурный врач присоединился к первой освободившейся бригаде скорой помощи.

Так Моника и оказалась здесь.

Опрокинутый столик, разбитая чашка, повсюду разлитое молоко, рассыпанное печенье; все это смешано со зловонной лужей. Мужчине, должно быть, стало плохо, когда он смотрел телевизор, и бедняга обмочился. Классический случай, подумала Моника. Мужчина средних лет живет один, у него инфаркт, и, если он не успевает позвать на помощь, труп обычно обнаруживают, когда до соседей начинает доноситься смрад. Но в такой уединенной вилле и этому не бывать. Разве только у него есть близкие родственники — а так годы пройдут,

¹ Мешок Амбу — ручной аппарат для искусственной вентиляции легких.

пока выяснится, что с ним случилось. Во всяком случае, сцена казалась знакомой, и Монике стало жаль старика. По крайней мере, она жалела его, пока они не расстегнули пижамную куртку, чтобы начать прямой массаж сердца. На груди было выколото два слова.

Убей меня.

Врач и санитар сделали вид, что не заметили. Их дело — спасти жизнь. Но с этого момента каждое действие они совершали с предельной осторожностью.

— Насыщение кислородом падает, — заявил Тони, взглянув на прибор. Воздух в легкие не поступал.

— Нужно срочно делать интубацию, иначе мы его потеряем. — Моника вынула из сумки ларингоскоп и отклонила назад голову пациента.

Так санитар смог лучше рассмотреть комнату, и во взгляде его появился неожиданный блеск. Что-то смутило его, а что — Моника не могла угадать. Тони — профессионал, повидавший всякое, но что-то вывело его из равновесия. Что-то, находящееся за ее спиной.

Все в больнице знали историю молодой докторши и ее сестры. Никто никогда не говорил ни слова, но она ловила на себе сочувственные, обеспокоенные взгляды: в глубине души коллеги задавались вопросом, каково ей жить с таким грузом.

В эту критическую минуту на лице санитаря появилось такое же выражение, только гораздо более испуганное. Моника обернулась на миг и увидела то же, что и Тони.

Роликовый конек, брошенный в угол, явившийся прямоком из преисподней.

Ботинок был красный, с золотыми пряжками. Такой же, как его близнец, которого здесь не было, который лежал в другом доме, в другой жизни. Моника всегда считала, что эти коньки — немного китч. А Тереза уверяла, что они винтажные. Сестры тоже были близнецами, так что Монике показалось, будто она видит саму себя, когда труп Терезы нашли на поляне у реки одним холодным декабрьским утром.

Ей едва исполнился двадцать один год, и ей перерезали горло.

Говорят, что близнецы чувствуют друг друга даже на больших расстояниях. Но Моника в это не верила. Она не испытала страха, у нее не возникло ощущения опасности в тот момент, когда сестру похитили, днем в воскресенье, по дороге домой после катания с подругами на роликовых коньках. Тепло нашли через месяц, в той же одежде, какая была на ней, когда она пропала.

И тот красный роликовый конек казался гротескным протезом на ноге мертвой Терезы.

Шесть лет Моника хранила его, спрашивая себя, что случилось с другим и придет ли когда-нибудь день, когда они соедятся. Сколько раз пыталась она представить себе лицо человека, который его забрал? Сколько раз выискивала его среди незнакомцев в уличной толпе? Со временем это превратилось в своеобразную игру.

Теперь, возможно, Моника получила ответ.

Она взгляделась в мужчину, лежавшего перед ней на полу. Потрескавшиеся, опухшие руки, волоски в носу, пятно мочи на брюках между ног. Совсем не похож на монстра, какого она не раз себе представляла. Человек из плоти. Обычное, банальное человеческое существо, в довершение всего — со слабым сердцем.

Тони прервал ее размышления:

— Знаю, о чем ты думаешь. Мы можем прекратить, если хочешь. Стоять и ждать, пока случится то, что должно случиться. Решать тебе. Никто не узнает.

Он первым предложил это, может быть, видя, как она застыла в сомнении с ларингоскопом на весу перед пациентом, который жадно хватал воздух ртом. Моника еще раз взглянула на его грудь.

Убей меня.

Может, то было последнее, что видели глаза сестры, когда он перерезал ей горло, будто скотине. Ни теплого слова, ни утешения, какого заслуживает любое человеческое существо,

навсегда покидающее эту жизнь. Убийца насмеялся, издевался над ней. И получал от этого удовольствие. Может, и Тереза призывала смерть, только чтобы все закончилось поскорее. В бешенстве Моника так крепко стиснула ларингоскоп, что костяшки пальцев побелели.

Убей меня.

Мерзавец выколочил эти слова на груди, но, когда почувствовал себя плохо, позвонил в скорую помощь. Он такой же, как все. Тоже боится смерти.

Моника углубилась в себя. Те, кто знал Терезу, видели в Монике некую недостоверную копию, статую из музея восковых фигур, дубликат той, кого оплакивали. Для близких она представляла собой то, чем сестра могла бы стать и никогда не станет. Родные смотрели, как она растет, и тосковали по Терезе. Теперь Монике выпал случай отличить себя от сестры, высвободить призрак, застрявший в ней. Я врач, напомнила она себе. Ей бы хотелось найти в своей душе хоть искру милосердия к человеку, распростертому перед ней, или толику страха перед высшим судом или увидеть хоть что-то похожее на знак. Но она обнаружила, что не чувствует ничего. Тогда она в отчаянии попыталась откопать хоть какое-то сомнение, как-нибудь убедить себя, что этот человек неповиновен в смерти Терезы. Но сколько ни ломай голову, лишь по одной причине роликовый конек мог оказаться здесь.

Убей меня.

И в эту критическую минуту Моника осознала, что уже приняла решение.

6:19

Дождь накрывал Рим погребальными пеленами. Серой тенью занавешивал древние дворцы, ряд немых слезящихся фасадов. Переулки вокруг площади Навона, извилистые, будто кишки, совсем опустели. Но в нескольких шагах от дворика Браманте широкие окна старинного кафе «Делла Паче» отражались на блестящей мостовой.

Внутри — стулья, обитые красным бархатом, столики из белого мрамора с серыми прожилками, статуи в стиле нового ренессанса и обычные посетители. Люди искусства, в основном художники и музыканты, раздраженные незавершенным рассветом. Но также и торговцы, и антиквары, коротающие время до открытия магазинчиков, расположенных вдоль по улице, и какой-нибудь актер, который, возвращаясь с ночной репетиции в театре, забегает выпить капучино перед тем, как отправиться спать. В такое скверное утро все ищут утешения и охотно вступают в общую беседу. Никто не обращал внимания на двух незнакомцев в черном, которые сидели на отшибе, за столиком напротив входа.

— Как твоя мигрень? — спросил тот, что казался моложе.

Другой, собиравший подушечкой пальца крупинки сахара вокруг пустой чашки, оставил это занятие и невольно прикоснулся к шраму на левом виске:

— Иногда не дает мне спать, но вообще можно сказать, что лучше.

— Тебе все еще снится тот сон?

— Каждую ночь. — Он поднял глаза глубокой, меланхолической синевы.

— Это пройдет.

— Да, пройдет.

Наступившую тишину прервал длинный свисток кофемашины для эспresso.

— Маркус, время пришло, — сказал молодой.

— Я еще не готов.

— Ждать больше нельзя. Меня сверху спрашивают о тебе, допытываются, в какой ты кондиции.

— Я делаю успехи, разве нет?

— Да, правда: с каждым днем все больше и больше, это меня радует, поверь. Но ожидание слишком затянулось. От тебя зависит многое.

— Но кто так интересуется мной? Я хотел бы встретиться с теми людьми, поговорить. Я знаю только тебя, Клементе.

— Этот вопрос мы уже обсуждали. Невозможно.

— Почему?

— Потому что так издавна заведено.

Маркус снова потрогал шрам, он всегда так делал, когда волновался.

Клементе наклонился к нему, поймал его взгляд:

— Это ради твоей безопасности.

— Ради их безопасности, ты хочешь сказать.

— И это, если угодно, тоже.

— Я могу создать неудобство. Этого допустить нельзя, правда?

Сарказм Маркуса Клементе не рассердил.

— Какая у тебя проблема?

— Я не существую.

Голос его сорвался, в нем прозвучала боль.

— Тот факт, что только я знаю тебя в лицо, предоставляет тебе свободу. Неужели ты не понимаешь? Они знают тебя только по имени, а в остальном полагаются на меня. Таким образом, твои полномочия безграничны. Раз они не знают, кто ты, то и не могут тебе помешать.

— Зачем это нужно? — вскинулся Маркус.

— Зло, которое мы преследуем, может пробраться даже в их сердца, вот зачем. Если все прочие меры не приведут ни к чему, если ни одна из преград не устоит, кто-то должен оставаться на страже. Ты — последняя линия обороны.

Во взгляде Маркуса сверкнул вызов.

— Ответь мне на один вопрос... Есть еще такие, как я?

После короткого молчания Клементе решился:

— Я не знаю. Не могу этого знать.

— Лучше бы ты оставил меня в той больнице...

— Не говори так, Маркус. Не разочаровывай меня.

Маркус поглядел на улицу. Дождь на время перестал, и редкие прохожие, покинув ненадежные укрытия, разбежались по своим делам. У него накопилось еще много вопросов к Клементе. Были вещи, которые напрямую его касались

и о которых он теперь ничего не знал. Человек, сидевший напротив, представлял собой его единственную связь с миром. Более того, Клементе и представлял собой весь его мир. Маркус никогда ни с кем не говорил, у него не было друзей. Но ему было известно такое, о чем лучше бы ничего и не знать. О людях, о том, какое зло способны они совершить. Нечто столь ужасное, что всякое доверие пошатнется, любое сердце навсегда окажется зараженным. Он смотрел, как люди вокруг живут без этого груза, и завидовал им. Клементе спас его. Но, спасши, внедрил его в мир теней.

— Почему именно я? — спросил он, продолжая глядеть в сторону.

Клементе улыбнулся:

— *Собаки не различают цветов.* — Эту фразочку он часто повторял. — Ну что, ты со мной?

Маркус повернулся к своему единственному другу:

— Да, я с тобой.

Больше не говоря ни слова, Клементе пошарил в плаще, висевшем на спинке стула. Вытащил бумажный конверт, положил на стол и подтолкнул к Маркусу. Тот взял его и с аккуратностью, какой отличалось каждое его движение, открыл.

Внутри находились три фотографии.

Первая изображала компанию молодежи во время вечеринки на пляже. На переднем плане две девушки в купальных костюмах чокались бутылками пива перед костром. На второй фотографии предстала только одна из них: волосы стянуты в хвост, очки с толстыми стеклами; улыбаясь, она показывала на вздымающийся за ее спиной Дворец итальянской цивилизации, знаковое здание эпохи неоклассицизма, расположенное в квартале Всемирной выставки (ЭУР)¹. На третьей

¹ *Квартал Всемирной выставки (ит. Esposizione Universale di Roma, «Всемирная выставка Рима», сокращенно EUR)* — обширный комплекс деловых зданий, построенный по приказу Бенито Муссолини в 1935–1943 годах на юго-западе Рима в рамках подготовки к проведению Всемирной выставки (выставка не состоялась).

фотографии та же девушка обнимала мужчину и женщину, очевидно родителей.

— Кто это? — спросил Маркус.

— Ее зовут Лара. Двадцать три года. Учится в Риме, приезжая. Факультет архитектуры, четвертый курс.

— Что с ней случилось?

— В этом-то и проблема: никто не знает. Она исчезла почти месяц назад.

Маркус сосредоточился на лице Лары, отрешившись от гула голосов и от всего, что его окружало. Типичная провинциалочка, переселившаяся в большой город. Очень хорошенькая, тонкие черты, никакой косметики. Представил себе, что она, наверное, почти всегда стягивает волосы в хвост, потому что не может позволить себе парикмахерскую. Может быть, делает прическу только перед тем, как съездить к своим, из экономии. Одежда компромиссная: джинсы и футболка, чтобы необязательно было следовать за модой. На лице можно разглядеть следы ночей, проведенных за книгами, или трапез, состоящих из банки тунца, последнего ресурса иногородних студентов, которые исчерпали месячный бюджет и ждут нового поступления от мамы с папой. В первый раз вдали от дома. Каждодневная борьба с ностальгией, которую помогает одолеть мечта стать архитектором.

— Рассказывай.

Клементе достал блокнот, отодвинул кофейную чашку и стал говорить, сверяясь с записями:

— В тот день, когда она исчезла, Лара провела часть вечера с друзьями в кафе. Те, кто был с ней, заверяли, что девушка казалась спокойной. Друзья поболтали о том о сем, как обычно, потом около девяти Лара сказала, что устала и хочет вернуться домой, лечь спать. Двое из компании — молодая пара — подвезли ее на машине и дождались, пока она зайдет в парадную.

— Где она живет?

— В старом доме, в центре.

— Есть еще жильцы?

— Человек двадцать. Дом принадлежит университетской корпорации, которая сдает квартиры студентам. Квартира Лары — на первом этаже. До августа с ней жила подруга, которая уехала; на самом деле Лара искала вторую съемщицу.

— Когда обрываются ее следы?

— Присутствие Лары дома в следующий час подтверждается данными пункта сотовой связи по этой зоне: с ее мобильного были зафиксированы два исходящих звонка, один в двадцать один двадцать семь, второй в двадцать два двенадцать. Первый разговор, десятиминутный, был с матерью, второй — с лучшей подругой. В двадцать два девятнадцать ее телефон был отключен. И больше не включался.

Молодая официантка подошла к столику убрать чашки. Нарочно помедлила, а вдруг клиенты закажут что-то еще. Но никто из них ничего больше не попросил. Они всего лишь умолкли, дожидаясь, пока девушка удалится.

Маркус спросил:

— Когда было заявлено о ее исчезновении?

— На следующий вечер. Подруги, не увидев ее на факультете, целый день звонили ей, но включался автоответчик. Часов в восемь поступали к ней, но никто не отозвался.

— Что думает полиция?

— Накануне исчезновения Лара сняла со счета четыреста евро, чтобы уплатить за квартиру. Но управляющий денег не получил. По словам матери, из шкафа пропали какие-то предметы одежды и рюкзак. Мобильника в квартире не нашли. Поэтому полиция склоняется к тому, что девушка ушла по своей воле.

— Очень удобная позиция, сказал бы я.

— Знаешь, как расследуются такие дела? Если не выявляется какая-то деталь, заставляющая бояться худшего, через короткое время поиски прекращают. И ждут.

Наверное, пока не появится труп, подумал Маркус.

— Девушка вела размеренную жизнь, большую часть времени проводила в университете, имела определенный круг знакомых, с которыми только и общалась.

— Что думают ее друзья?

— Что Ларе не свойственны скоропалительные решения. Хотя в последнее время она несколько изменилась: казалась усталой, рассеянной.

— Любовная история, флирт?

— В распечатке данных по сотовой связи не выявлено звонков вне круга знакомых, и никто ни разу не упомянул о каком-либо ухажере.

— Интернет?

— Она выходила на связь из библиотеки своего факультета или из интернет-кафе неподалеку от вокзала. В ее почте нет никаких подозрительных посланий.

В этот момент стеклянная дверь кафе распахнулась и вошел новый клиент. По залу пронесся порыв ветра. Все обернулись с досадой, кроме Маркуса, погруженного в собственные мысли.

— Лара возвращается домой, как в любой другой вечер. Она устала, как это с ней в последнее время часто случается. Ее последний контакт с миром имел место в двадцать два двенадцать, затем она отключает телефон, который исчезает вместе с ней и больше не включается. С тех пор мы ничего о ней не знаем. В квартире не хватает одежды, денег и рюкзака: поэтому полиция считает, что девушка исчезла по собственной воле... Она вышла из дома и пропала. Может быть, одна, может быть, с кем-то. Никто этого не заметил. — Маркус пристально посмотрел на Клементе. — Почему мы должны думать, что с ней случилась какая-то неприятность? Почему мы?

Клементе ответил красноречивым взглядом. Они подошли к сути вопроса. *Аномалии*, вот что в конечном счете искали они. Крохотные прорехи в ткани обыденности. Едва заметные неувязки в логической последовательности обычного полицейского расследования. В таких малозначимых несовершенствах часто скрывалось нечто иное. Переход к иной, невообразимой истине. Их задача начиналась отсюда.

— Маркус, Лара не выходила из дома. Дверь была закрыта изнутри.

Клементе и Маркус отправились на место происшествия. Дом находился на улице Коронари, в двух шагах от площади Сан-Сальваторе-ин-Лауро, рядом с небольшой церковью шестнадцатого века. Через несколько секунд они уже входили в квартиру на первом этаже. Никто их не видел.

Едва переступив порог жилища Лары, Маркус начал осматриваться вокруг. Прежде всего исследовал вырванный замок. Чтобы войти в квартиру, полицейским пришлось выломать дверь, и агенты не заметили такой подробности, как цепочка, наложенная изнутри; она оборвалась и теперь свисала с дверного косяка.

Квартира, где-то в шестьдесят квадратных метров максимум, была двухуровневой. На нижнем находилось только одно помещение, одновременно кухня и гостиная. Встроенный шкаф с варочной панелью, над которой возвышались многочисленные полки. Рядом — холодильник, облепленный разноцветными магнитиками, на нем — горшок с цикламенами, давно засохшими. Стол, четыре стула, посередине — поднос с чашками и всем прочим, что необходимо для чаепития. Два диванчика поставлены углом перед телевизором. На стенах, выкрашенных в зеленый цвет, не картины или постеры, как это обычно бывает, а проекты самых знаменитых в мире зданий. Окно, как и все окна в квартире, выходило во внутренний двор и было забрано железной решеткой. Через него никто не мог ни войти, ни выйти.

Взгляд Маркуса отмечал малейшую подробность. Не говоря ни слова, он перекрестился, и Клементе тотчас же последовал его примеру. Потом принялся кружить по комнате. Не ограничиваясь осмотром, дотрагивался до предметов, едва прикасаясь ладонью, будто пытался нащупать какой-нибудь остаток энергии, уловить радиосигнал, словно бы вещи могли сообщить ему что-то, открыть то, что знали или видели. Как лозоход слышит зов рудной жилы, спрятанной в недрах, так Маркус исследовал глубокое, неодушевленное молчание вещей.

Клементе наблюдал за своим подопечным, стоя в сторонке, чтобы не отвлекать его. Тот действовал без колебаний, казался

напряженным и сосредоточенным. Испытание было важным для обоих. Маркус докажет самому себе, что снова в состоянии выполнять работу, к которой его готовили. Клементе убедится, что не ошибся, считая, что этот человек способен восстановить свой дар.

Он смотрел, как Маркус идет в глубину комнаты, к двери, за которой скрывался крохотный туалет. Он был отделан белой плиткой и освещался неоновой лампой. Душевая кабинка втиснута между раковиной и унитазом. Стиральная машина, чуланчик для щеток и моющих средств. На дверь с внутренней стороны приколот календарь.

Маркус вернулся назад и пошел налево, к лестнице, ведущей на верхний этаж. Поднялся, шагая через три ступеньки, и очутился на крохотной площадке, на которую выходили двери двух спален.

Первая дождалась новой съемщицы. Внутри — только голый матрас, креслице и комод.

Вторая спальня принадлежала Ларе.

Ставни на окне были открыты. В углу — стол с компьютером, на стене — полки, забитые книгами. Маркус подошел, провел пальцами по корешкам томов, посвященных архитектуре. Погладил лист бумаги с незаконченным проектом моста. Выбрал карандаш из стаканчика, понюхал его, проделал то же самое со стирательной резинкой, испытывая тайное наслаждение, какое только канцелярские товары способны дать.

Это был запах того мира, в котором жила Лара, здесь она была счастлива. Это было ее маленькое королевство.

Он распахнул створки шкафа и сдвинул одежду, висевшую на плечиках; некоторые оказались пустыми. Внизу стояли в ряд три пары туфель. Две пары спортивных, одна — открытые лодочки, для особых случаев. Но оставалось место и для четвертой пары, которой не хватало.

Кровать была полутораспальная. Между подушками сидел плюшевый медведь. Он, наверное, был свидетелем всей жизни Лары, с самого детства. А теперь остался один.

На единственной тумбочке стояла оправленная в рамку фотография Лары с родителями и жестяная шкатулка,

в которой лежали колечко с небольшим сапфиром, янтарный браслет и немного бижутерии. Маркус взгляделся в фотографию. Он узнал этот снимок: тот же самый, который Клементе показывал в кафе «Делла Паче». На Ларе красовалась золотая цепочка с крестиком, но в шкатулке ее не было.

Клементе ждал Маркуса у подножия лестницы и через короткое время увидел, как тот спускается.

— Ну что?

Маркус застыл на месте:

— Возможно, ее похитили.

Произнеся эту фразу, он вдруг абсолютно уверился в своей правоте.

— С чего ты это взял?

— Слишком мало беспорядка. Будто бы недостающая одежда и мобильник, которого не найти, — не более чем мизансцена. Но от того, кто поставил ее, ускользнула такая деталь, как цепочка, на которую была закрыта входная дверь.

— Но как ему удалось...

— Мы к этому подойдем в свое время, — перебил его Маркус. Он ходил по комнате, стараясь воссоздать то, что здесь происходило. Мысли вращались с головокружительной быстротой. Кусочки мозаики начинали складываться перед его глазами в какую-то картину. — Ларе кто-то нанес визит.

Клементе знал, что происходит. Маркус начинал вживаться. В этом и состоял его талант.

Увидеть то, что видел тот, кто вторгся сюда.

— Этот человек побывал здесь в отсутствие Лары. Посидел на диванчике, попробовал, мягкая ли постель, порылся в ее вещах. Пересмотрел фотографии, присвоил ее воспоминания. Потрогал зубную щетку, обнюхал одежду, впитывая ее запах. Выпил из невымытого бокала, который стоял в раковине.

— Не понимаю...

— Он все здесь изучил. Он знал все о Ларе: расписание, привычки...

— Но здесь нет ничего, что заставляло бы думать о похищении. Никаких следов борьбы, никто в доме не слышал криков или просьб о помощи. Чем ты подкрепишь свою теорию?

— Он похитил девушку, пока она спала.

Клементе хотел что-то сказать, но Маркус опередил его:

— Помоги мне найти сахар.

Клементе не понимал в точности, что пришло Маркусу в голову, но решил ему подыграть. На полочке над плитой он нашел банку с надписью «SUGAR», а Маркус тем временем проверил сахарницу, которая стояла посередине стола вместе с чайными чашками.

И банка, и сахарница были пусты.

Оба долго и пристально глядели друг на друга, держа эти предметы в руках. Между друзьями пробежала какая-то искра, импульс положительной энергии. Тут не простое совпадение. Маркус не гадает на кофейной гуще. Его интуиция может объяснить все.

— В сахар лучше всего подмешать наркотик: вкус не так ощущается и есть уверенность, что жертва будет употреблять его ежедневно.

— А Лара в последнее время постоянно чувствовала усталость, об этом говорили ее друзья.

Клементе встрепнулся. Эта подробность меняла все. Но он пока не мог ничего сказать Маркусу.

— Похититель действовал не торопясь, постепенно, — продолжал Маркус. — И это доказывает, что он бывал здесь раньше, до того вечера. Вместе с одеждой и мобильником он унес и сахар, содержащий наркотик.

— Но забыл о цепочке на двери, — добавил Клементе. Эта деталь не вписывалась, вдребезги разбивала теорию. — Откуда он вошел и, что самое главное, откуда они оба вышли?

Маркус снова огляделся вокруг:

— Где мы находимся?

Рим — самая большая в мире «обитаемая» археологическая площадка. Город развивался слой за слоем, достаточно углубиться на несколько метров, чтобы найти следы предыдущих эпох и цивилизаций. Маркус хорошо знал, что даже на поверхности с течением времени и человеческих жизней нарастают слои. Во всяком месте скрыто много историй, у всякого — свое предназначение, и не одно.

— Что это за место? Я имею в виду, не сейчас, а изначально: ты говорил, будто дом построен в восемнадцатом веке.

— Здесь была одна из резиденций маркизов Костальди.

— Да. Знатное семейство занимало верхние этажи, а здесь располагались дворовые службы, склады и конюшни. — Маркус потрогал шрам на левом виске. Он не мог понять, откуда взялось это представление. Как он мог это знать? Многое навсегда исчезло из его памяти. Кое-что неожиданно возвращалось, а вместе с тем и раздражающий вопрос: откуда это берется? Было где-то в нем какое-то место, где все эти вещи существовали, но скрытно. Время от времени они всплывали на поверхность, напоминая тем самым о существовании той сумеречной зоны, к которой он, пожалуй, никогда не получит доступа.

— Ты прав, — кивнул Клементе. — Дворец оставался таким долгое время. Лет десять тому назад он был завещан университету и разбит на квартиры.

Маркус нагнулся, осмотрел пол. Паркет был из цельного дерева, плотно пригнанный. Нет, не здесь, сказал он себе. Не теряя присутствия духа, направился в ванную комнату, Клементе — следом.

Из чуланчика со щетками взял ведро, одно из двух, какие там имелись, включил душ и наполнил ведро до половины. Потом отступил на шаг. Клементе за его спиной все еще не мог догадаться, зачем он это делает.

Маркус наклонил ведро и вылил воду на плиточный пол. Лужа разлилась у них под ногами. Они стали ждать, что будет.

Через несколько секунд вода начала убывать.

Это казалось каким-то фокусом, вроде того как девушка исчезает из дома, запертого изнутри. Но на этот раз объяснение было налицо.

Вода просочилась в подпол.

На стыках между плитками показались пузырьки воздуха, очерчивая правильный квадрат со сторонами где-то около метра.

Маркус опустился на четвереньки и стал ощупывать плитки кончиками пальцев, чтобы обнаружить щель. Вот, кажется,

нашел. Встал, огляделся в поисках рычага. Взял с полочки металлические ножницы. Они согнулись для того, чтобы приподнять квадрат, составленный из скрепленных плиток. Маркус сунул пальцы в отверстие, поднял покрытие и обнаружил люк в каменном полу.

— Подожди, я тебе помогу, — сказал Клементе.

Они сдвинули в сторону крышку люка и обнаружили старинную лестницу из травертина: на пару метров она уходила вниз, а там начинался коридор.

— Похититель проходил здесь, — объявил Маркус. — По меньшей мере дважды: когда он вторгся в дом и когда удался вместе с Ларой. — Потом Маркус достал фонарик, который всегда носил с собой, включил его и осветил в отверстие.

— Хочешь спуститься вниз?

Он обернулся к Клементе:

— Разве у меня есть выбор?

С фонариком в руке Маркус спустился по каменной лестнице. Дойдя до самого низа, понял, что находится в туннеле, который проходит под домом в двух противоположных направлениях. Самый настоящий подземный ход. Непонятно было, куда он может привести.

— Все в порядке? — спросил Клементе, который оставался наверху.

— Да, — лаконично ответил Маркус.

Возможно, в восемнадцатом веке эта галерея предназначалась для бегства в случае опасности. Ничего другого не оставалось, как двигаться наудачу в ту либо в другую сторону. Маркус направился туда, откуда, как ему показалось, доносился глухой шум, как будто проливного дождя. Прошел метров пятьдесят, пару раз поскользнувшись на илистом грунте. Крысы пробежали у него под ногами, задевали щиколотки своими теплыми гладкими шкурками, а потом исчезали в темноте. Маркус определил, что это грохочет Тибр, разлившийся после дождей, шедших без перерыва в последние дни. И ощутил сладковатый запах реки: так пахнет стремительно

бегущий зверь. Он пошел на звук и на запах и вскоре разглядел массивную решетку, сквозь которую просачивался серый дневной свет. Пройти здесь было невозможно. Тогда он повернул назад, попытать счастья в противоположном направлении. Едва он вступил в этот участок туннеля, как что-то блеснуло в грязи.

Маркус нагнулся и поднял золотую цепочку с крестиком.

Он вспомнил, что видел такую же на шее у Лары, на фотографии, где она снялась вместе с родителями, той самой, что стояла на тумбочке. Вот и доказательство того, что он верно увидел произошедшее.

Клементе был прав. В этом его талант.

Взбудораженный открытием, Маркус не заметил, что друг успел его догнать. Только когда Клементе встал рядом, Маркус обнаружил его присутствие.

Показал ему цепочку:

— Вот, посмотри...

Клементе взял ее в руки, взгляделся.

— Может быть, девушка еще жива, — заговорил Маркус, возбужденный находкой. — Мы взяли след, мы можем выяснить, кто это был. — Но тут он увидел, что друг не разделяет его энтузиазма. Более того, кажется подавленным.

— Мы уже и так это знаем. Мне требовалось подтверждение... И оно, увы, явилось.

— Что ты имеешь в виду?

— Наркотик в сахаре.

Маркус все еще не понимал:

— Тогда в чем проблема?

Клементе пристально, серьезно взглянул на него:

— Думаю, пора тебе познакомиться с Джеремией Смитом.

8:40

Первый урок, который усвоила Сандра Вега, заключался в том, что дома, в которых обитают люди, никогда не лгут.

Люди, говоря о себе, легко воздвигают разнообразные надстройки, в существование которых и сами в конце концов

Содержание

ПЯТЬ ДНЕЙ НАЗАД	9
ГОД НАЗАД. ПАРИЖ	61
ЧЕТЫРЕ ДНЯ НАЗАД	70
ГОД НАЗАД. ГОРОД МЕХИКО	149
ТРИ ДНЯ НАЗАД	158
ГОД НАЗАД. КИЕВ	255
ДВА ДНЯ НАЗАД	263
ГОД НАЗАД. ПРИПЯТЬ	380
ВЧЕРА	386
ГОД НАЗАД. ПРИПЯТЬ	408
СЕГОДНЯ	415
ГОД НАЗАД. ПРИПЯТЬ	420
СЕЙЧАС	426
ГОД НАЗАД. ПРАГА	433
Послесловие автора	439
Благодарности	444